

Имена братьев Вайнеров, известных мастеров детективного жанра, знают все. Сегодня Георгий Вайнер рассказывает от имени брата и от своего собственного о творчестве, о месте литературы в их жизни.

— Что такое для вас литература? Ваше призвание? Наиболее подходящий способ реализации своего жизненного опыта? Чувствуете ли вы свое предназначение к этому труду?

— Как это ни странно прозвучит, в том, что мы с братом стали писать, есть элемент недоразумения. Много лет назад нам предложили написать газетную статью о каком-нибудь интересном уголовном деле, объединив наши профессиональные знания: мой брат Аркадий был следователем, а я — журналистом. Разумеется, для нас не было выбора, в каком жанре ее написать — детективном, конечно. Но, поскольку у нас не было и надлежащего литературного опыта, то мы его старались почерпнуть из детективных книжек. Воспользовались мы и своими школьными знаниями: всякое сочинение пишется по плану, состоящему из вступления, главной части и заключения. Для уголовного дела, которое мой брат тогда расследовал, мы и написали такой план — 39 страниц на машинке. Наш основной критерий был: не упустить ничего интересного, ни одной подробности, которые были сюжетно необходимы, а потом — их было просто жаль выкидывать. Мы решили реализовать свой план целиком и создали нашу первую повесть «Часы для мистера Келли». Сочинение это было вполне ученическое, к тому же занимало больше 400 страниц.

— Но аппетит приходит во время еды, и вскоре Георгий Вайнер выяснил для себя, что из всех человеческих занятий ему больше всего нравится писательство...

— И связано это, вероятно, с какими-то органическими чертами моего характера. Мой брат всегда был человеком одной профессии — он юрист, и лишь вместе со мной он стал писать. Я же успел побывать шофером, электромонтером, техником, инженером, журналистом многоотражки, корреспондентом ТАСС. Но необходимость заниматься какой-то определенной деятельностью лишала меня возможности перепробовать те профессии, которые безумно привлекали меня в детстве, — я хотел быть дворником, пожарным, моряком, врачом. Только благодаря писательству я вдруг понял, что существует возможность все эти профессии освоить, но на бумаге. И теперь понимаю, что писательство — для меня единственное мыслимое занятие, которое помогает мне ощутить все радости, страдания, горести, переживания, радужные взлеты и катастрофические падения, меру человеческих драм и радостей.

— Что для вас значит стиль письма? Каким образом идет поиск формы произведения, когда идея уже сложилась в вашем сознании?

— Есть писатели, склонные к миниатюре: они берут объектом рассмотрения узкие проблемы, ювелирно работают иглой, штихелем, при этом всегда очень точно разрабатывая детали. Есть писатели с погрешностью работать на стене — с большим размахом событий, с большими страстями, их книги наполнены обилием впечатлений. Поскольку мы стали писателями неожиданно, то никогда и не задумывались, что нам нравится больше.

Форме мы придаем очень большое значение. Она, на наш взгляд, является обязательным элементом содержания, обусловлена этим содержанием. Но никогда не бывает наоборот — чтобы содержание книги обслуживало форму. Это — заведомо мертворожденный плод.

В поисках формы мы перепробовали несколько разных стилей, манер повествования, методов подачи материала.

— То, что читал «Визит к минонару», знает, как разительно отличается этот роман по форме от «Эры милосердия». И это связано с вашими поисками стиля?

— Да, ведь манера изложения диктуется тем материалом, который лег в основу книги. Скрупулезное изучение огромного количества исторических документов для «Итальянской» линии книги и «Визита к минонару» определило стилистику ее написания как чисто психологического детектива, психологической драмы. А «Эра милосердия», имея

движущей пружиной нравственный конфликт между «положительными» и «отрицательными» героями, а конфликт между самими что ни на есть положительными, относилась скорее к жанру батального романа, потому что события, описанные в ней, происходят в мирные дни. И изображение этой ожесточенной войны требовало крупных мазков.

— Все ваши книги написаны «от первого лица»...

— Да, нам эта свободная форма повествования всегда импонировала — она позволяет вести изложение полнее, убедительнее. У нас в книгах герои очень много думают, и всегда недоуверенной кажется в литературе фраза: «Герой подумал», — в ней уже есть искусственность, нарочитость. Нам представляется ценной и интересной манера наиболее искреннего изложения переживаний нашего героя.

ромное впечатление, не побоюсь сказать, повлияла на мою судьбу. В этой книге я нашел себе резонансную душу — я обрел в мире знакомых мне людей, событий и отношений. Совпадение эмоциональных состояний — великая вещь.

— Адекватны ли книги личности писателя? Действительно ли писатель как человек исчерпывает себя в придуманном им мире и ему нечего больше сказать людям?

— Это не совсем так. Существует ошибочное мнение, что писатель и литературный герой едины — нечто вроде разных проявлений одного человеческого характера. Писатель ведь реализует собственные мысли, чувства, познания и преобра-

что нет ничего хуже муки немoty, когда плод идеи уже возник, но еще не имеет корней, и неизвестно, во что выльется, когда еще отсутствует форма. Ждешь момента, когда произойдет замыкание идеи с накопленными жизненными силами. Очень часто это происходит в тот момент, когда ты уже сел за машинку или услышал на улице фразу, которая тебя повернет в нужную сторону.

Мы с братом очень любим книжки Сименона, но, произведя самые примитивные арифметические подсчеты количества написанных им романов, выяснили, что он должен был писать каждый роман дней за одиннадцать, круглый год без остановок. Это вызывает у нас некоторую неуверенность в том, что такое в принципе возможно... Хотя сомневаться в том, что это именно так, у нас оснований нет.

— Значит, вдохновения пассивно ждать нельзя и разговоры о необходимости ежедневной работы — не пустые слова?

— Мы убеждены, что литературный труд стоит на огромном усердии. У тебя что-то не вытанцовывается, тебе кажется, что ты разучился писать, ты вяло садишься за стол, начинаешь писать ручкой, карандашом, печатать на машинке, выдумываешь: «Хорошо бы попробовать писать на компьютере или в крошечных блокнотиках, или на обрывках бумаги, или на огромных телетайпных листах...» Одним словом, делаешь что-то... Фраза придет. Ведь если не выходит — люди обычно оставляют на другой день. Скорее всего в этом случае мысль, потому что тебя немного, вскоре бесследно исчезнет. Томление проходит — но исчезает и мысль. Писать прозу, не обладая гигантским терпением, невозможно.

— Меняется ли как-то жизнь, психология ваших персонажей от тех переман, что происходят в мировоззрении, психологии за пределами вашего рабочего кабинета?

— Надемся, что меняется. Мы бы хотели, чтобы наши герои были не просто газетными современниками, а чтобы они осуществляли связь с читателем на основе самого высокого принципа — заинтересованности читателя за счет узнаваемости поднятых проблем и описываемых событий. Мы убеждены, что в той или иной степени все проблемы, возникающие между людьми на нашем этапе жизни, восходят к проблемам вечным. Проблемы вечные, сформулированные еще в заповедях, трансформируются в каждый временной период в соответствии с теми обстоятельствами и социальными условиями, в которых мы живем. Мы убеждены, что если они правильно ухвачены, то могут быть поверены исторической ретроспективой.

— Два ваших романа — «Визит к минонару» и «Алжирство против страха» — не случайно построены в форме двуединого повествования?

— Да, там события сегодняшнего дня отражены и подсвечены сюжетной линией событий, происходящих несколько веков тому назад. Ранний Ренессанс и XVIII век в Италии. Мы ставили задачу разобратся с проблемой ответственности человека перед обществом и самим собой за полученный от бога талант. Показать, что не существует профессиональных окрасок для реализации и воплощения этого таланта. Безразлично, кто ты — сыщик или гениальный скрипач, великий мастер музыкальных инструментов или школьный учитель, талант твой — не только твоя собственность, но дар, принадлежащий через тебя всем людям, и ты отвечаешь за него.

Мы использовали смещение времени для попытки определить — менялись ли во временах оценки этих категорий? Пришли к выводу, что проблемы честности, порядочности, правоты относятся к категориям вечных ценностей и неподвластны никаким изменениям в общественной психологии.

Вела беседу Елена ПЛАВСКАЯ.

Мир. Р. В. С. 1987 - 1996 г. г. г.

Воскресные ВСТРЕЧИ

В традициях детектива

У НАС В ГОСТЯХ ПИСАТЕЛЬ ГЕОРГИЙ ВАЙНЕР

— Детектив — один из самых читаемых жанров и самый любимый. Есть даже шутка: «Люди делятся на тех, кто любит детективы, и тех, кто в этом не признается». Так вот вы пишете «на публику» или «на себя»?

— Мы пишем «на себя» как на людей, стоящих в этой публике. По возможности стараемся себя не отделять от читателей, не преувеличивать «элитарность» нашего занятия.

— То есть не существует противоречия между тем, что нужно читателям сегодня, и теми законами, по которым, по-вашему, должна развиваться литература?

— Ни в коем случае. Литература всегда развивается по одним и тем же законам. Одни и те же принципы дают толчок ее внутреннему движению и формируют интерес читателя. Это старая истина, но она нам близка еще и по складу нашей общей писательской личности — первейшее требование к литературе таково: она должна быть интересной. Интересность описываемых событий мы всегда ставим во главу угла. Если хотите, это наш литературный метод. Люди, которые говорят, что в литературе должны главенствовать нравственный, или этический, или педагогический посыл, не учитывают одного: если автор помнит все это и не соблюдает главный критерий — интересность, его книги останутся «вещью в себе». Никто книгу неинтересную, но оснащенную самыми важными, серьезными, почтенными соображениями, не дочитает до конца. Это будет, употребляя юридический термин, покушение на годный объект с негодными средствами. Литература, выполняя свой великий функциональный просветительский долг, должна руководствоваться принципом выдающегося педагога К. Д. Ушинского: «Воспитывай, развивая». Это лучший, на наш взгляд, самый доступный и самый запоминающийся способ воспитания.

— Действительно ли книга может оказывать влияние на человеческую жизнь или ее воздействие на личность лишь кратковременно?

— На этот вопрос я отвечаю только за себя. В моей библиотеке есть десяток книг разного качества, класса и уровня, которые, прочитанные в разные периоды моей жизни, оказали влияние на формирование моего мировоззрения. В конце августа 1962 года я прочел только что вышедший роман Бёлля «Бильярд в половине десятого», а вслед за ним его же книгу «Хлеб ранних лет». По всем параметрам эта книга произвела на меня ог-

зовывает их в самые разные состояния и проявления человеческого духа. Вы ведь, наверное, сами часто обращали внимание, что многие писатели «в миру», в общении кажутся людьми замкнутыми, ничем не выделяющимися, в них нет того блеска, шарма, остроумия, высокой контактности, коммуникабельности, способности вести за собой любую социальную группу — словом, не обладают качествами, столь ценными в любом человеческом сообществе. Мы наблюдаем сплошь и рядом людей блестящих, замечательных рассказчиков, которые как писатели выглядят значительно бледнее. По нашему жизненному опыту, большинство хороших писателей, которых мы знаем, — люди довольно замкнутые, сдержанные, не склонные к эстрадным формам проявления себя на людях.

— Это связано с особой «углубленностью» их внутренней работы?

— Я бы даже подчеркнул — с элитарно-углубленным характером этой работы, требующей огромной сосредоточенности. Каждый настоящий писатель в любом общении в первую очередь слушатель — а уж потом рассказчик. Он аккумулирует в себе большое количество жизненных впечатлений, чужих слов, рассказов. Он, словно пчела, собирает нектар с растущих вокруг себя цветов — только это может быть переработано в мед творчества.

— Вдохновение — и ремесло, труд в радость — и каторжная работа. Так что же значит писать?

— Есть люди с завидной творческой плодовитостью, которые работают, словно японский робот, не зная ни дней, ни ночей, ни отпусков и праздников. Вероятно, генетически возможно вывести яблоно, которая давала бы четыре урожая в год. Трех месяцев достаточно для вызревания плодов. Но и дерево от осеннего сбора до будущего цветения весной набирается соков. Так же и человек — он должен набраться сил, впечатлений, жизненных соков в буквально смысле. Очень часто человек ощущает это творческое томление как муку и страдание, потому